

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

НеОн

ОСТРОВ Д

Ульяна Соболева

Ульяна Павловна Соболева
Остров Д. НеОн. Первая книга
Серия «НеОн», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28958093

SelfPub; 2020

Аннотация

Остров Д – это остров-тюрьма для приговоренных к высшей мере наказания преступников, а на самом деле кровавое реалити-шоу. Марана – элитная наемница. Ее ожидает казнь, либо ссылка на Остров Д. Но у нее есть шанс выжить, если она выполнит задание правительства и убьет предводителя мятежных заключенных по кличке Неон. Своего брата, с которым ее связывает постыдная тайна. В оформлении обложки использована фотография автора rdrgraphe (Stephane Boussoutroux) ресурс depositphotos. Лицензия 140144252. Содержит нецензурную брань.

ГЛАВА 1. Найса

Дети не должны видеть смерть и насилие. Дети должны расти в красивом мире без войн и убийств. Они не должны закрывать глаза своим мертвым матерям и часами сидеть у холодного трупа, напевая колыбельную и прижимая к себе потрепанного вязаного зайца. У детей должно быть детство. Они не должны становиться взрослыми под гнетом обстоятельств. Мама «ушла» от меня очень тихо. Она просто уснула и не проснулась. Мне не было страшно рядом с ней. Меня больше пугало, что кто-то войдет в наш дом, увидит её мертвой и вызовет службу зачистки, а мне не хотелось с ней расставаться. Не хотелось выпускать ее руку из своей и отдавать мою маму циничным, хладнокровным людям в странной одежде и противогазах. За окнами жутко верещала сирена, и прожекторы били в окна красным светом предупреждения об опасности. Это означало, что ОНИ прорвались в наш город, и теперь его уничтожат, как и все другие города, где появлялись меты*1.

Я знала, что мама умерла. Знала, потому что она сама сказала мне об этом перед тем, как принять красную жидкость из стеклянной ампулы. Потом, спустя годы, я пойму, почему она это сделала, а тогда я тихо плакала и не могла понять, зачем она так поступила со мной. Зачем оставила совсем одну.

Остров С, на котором кислородные маски стали повсе-

дневным атрибутом и частью жестокой реальности. Наш район уже давно оцепили черно-белыми полосатыми лентами с черепами и обнесли колючей проволокой. Как от прокаженных отгородились, словно мы сами виноваты в случившемся, и «чистым» надо держаться от нас подальше.

Я и не знала наш остров другим. С тех пор как помню себя, здесь уже не было деревьев, зелени и водоемов. Не летали бабочки, не пели птицы. Мертвый остров – так его называли по телевизору и говорили, что здесь не осталось живых людей, что всех уже давно эвакуировали. Грязная ложь.

Мы стали жертвами засекреченного правительственного эксперимента, о котором не должны были узнать на материке. А говоря простыми словами, на Острове С, под землей, где разрабатывалось оружие массового поражения, произошла утечка ядовитого элемента в питьевую воду. Люди мучительно умирали, болели жуткими болезнями. Целые районы сжигали под видом дезинфекции, а на самом деле там творилось нечто неподвластное человеческому разуму, нечто, с чем правительство не могло справиться. Беженцев расстреливали у КПП, топили катера и самодельные лодки, взрывали частные шатлы, территорию объявили мертвой зоной, а вскоре начали строить дамбу высотой с десятиэтажный дом, окружая остров непробиваемой стеной. Правительство боялось утечки яда в океан.

К нам в дом приехали спустя несколько часов, маму запаковали в пластиковый пакет и увезли на черной машине

с белыми многоугольниками, а меня пытались поймать сеткой, как взбесившегося и опасного звереныша.

Я тогда сбежала от бригады чистильщиков, мне удалось выбраться из дома и спрятаться на городской свалке. Меня отловили спустя месяц. Все то время, что я жила на улице, напрочь исчезло из моей памяти, но ощущение дикого ужаса только от мысли об этом не покидало меня всю мою жизнь. Я не помнила, что именно видела, и не хотела вспомнить никогда. Только гнилостный запах разложившихся тел преследовал меня еще очень долго, а также странный звук

«Мммммссссмммм» и хруст. Отвратительный хруст с мягким причмокиванием. Я часто слышала его во сне и просыпалась, обливаясь холодным потом.

После проверок оказалось, что моя кровь чистая от молекул вируса ВАМЕТ, это крайне удивило магистра научного центра. Просканировав чип у меня под кожей, они идентифицировали мою личность и сообщили обо мне отцу, которого я до этого видела только по телевизору, на фотографиях и в интернете.

Мама много рассказывала о нем. Она всегда была честной со мной. Возможно, та правда, которую она мне говорила, была слишком тяжелой и жестокой по отношению к маленькому ребенку, но я благодарна ей за то, что меня никогда не кормили лживыми сказками про погибшего отца и про аистов с капустой.

Я знала, что мой отец – адмирал элитного подразделения

армии Свободной Республики, приближенный к императору, и что его связь с мамой была коротким служебным романом во время одного из визитов адмирала на Остров С. Я знала, что у него есть жена и сын, с которыми он часто мелькал на страницах газет. Я вырезала с них Ту Самую Женщину и приклеивала на её место изображения нас с мамой, любовалась, как прекрасно мы смотримся рядом с высоким, красивым мужчиной и мальчиком с яркими неоновыми глазами, а потом с ненавистью вырезала и его, оставляя только нас с отцом. Иногда я желала им смерти. Чтобы на их дом напали меты, и его сожгли в пепел, а отец тогда обязательно бы приехал к нам с мамой. Мне почему-то казалось, что это Та Самая Женщина и её сын (я всегда считала ЕГО только её сыном) запрещают отцу видеться и общаться с нами.

Как часто мы ищем самые нелепые оправдания тем, кого любим, пытаюсь всячески сгладить их вину перед нами только для того, чтобы иметь личное право любить их дальше и не презирать себя за это.

Моя мама работала главврачом в секретной лаборатории Корпорации «СНЕГ»*2, а отец обеспечивал охрану и безопасность объекта в самом начале разработок сырья. Их связь длилась, пока объект не передали в полное ведомство Комитета, и отец не покинул Остров, чтобы вернуться к своей настоящей семье.

Настоящей... А мы никогда не были для него настоящими. Мы остались в прошлом, как незначительный эпизод его

насыщенной и полной риска жизни, в которой для нас так и не нашлось места.

Мама сообщила ему о рождении дочери, он поздравил и исправно отчислял средства на мое содержание в обмен на её молчание. Она рассказывала, что отец очень известный и влиятельный человек, если бы они встретились на несколько лет раньше, возможно, у них бы что-то получилось. Я часто мечтала и представляла себе, что было бы, встретиться они намного раньше, как я сидела бы у него на плечах во время военного парада на центральной площади, как пускала бы в небо воздушного змея и как держала бы его за руку. Он бы любил меня больше всех на свете и никогда бы не позволил нам жить на Острове С.

Только адмиралу армии Свободной Республики явно было не до случайной любовницы с её дочерью. Конечно, мама на мой День Рождения дарила мне подарки от них обоих. Она не подозревала, что я всегда вскрывала игрушки и, найдя внутри чип с логотипом одного из местных магазинов, отправляла игрушку в пластмассовый ящик и больше никогда к ней не прикасалась. Мама считала, что я равнодушна к ним, а я не пыталась её переубедить.

Но однажды нам пришла посылка с материка. В деревянном ящике, помимо каких-то бумаг и продуктов, лежал коричневый вязаный заяц. Я тогда еще не умела читать и не знала, что посылку Комитет прислал всем детям работников лаборатории перед очередными выборами. Я решила, что

именно эту игрушку отправил мой отец. С тех пор я не расставалась с зайцем, назвала его Адмиралом и всюду таскала с собой.

Никогда не забуду, как сидела на белоснежном диване круглого кабинета, обвешанного картинами с изображением разных уголков материка и его островов, утопающих в зелени и цветах, детей, плескающихся в чистых водоёмах, улыбающихся, счастливых людей, и думала о том, что именно так, наверное, выглядит рай. Тогда за что нас с мамой заперли в аду и не давали оттуда выйти? Почему нас обрекли на страшную смерть? Ответов на эти вопросы я не узнаю еще очень долго.

Меня одели в короткое белое платье, как и всех девочек здесь, и теперь я смотрела на стеклянную дверь, за которой Магистр Центра с противным именем Дера Дино, которую боялся весь персонал карантина, разговаривала с высоким мужчиной в военной форме с черными погонами. Сама она всегда напоминала мне лабораторную худосочную белую крысу с длинным носом, тоненькой косичкой на затылке и маленькими черными глазками, которые смешно увеличивались под толстыми стеклами ее круглых очков.

Когда отец вошел в кабинет, я не сводила с него насто-роженного взгляда, полного слепого обожания и теребила кружевную оборку платья. Он подошел очень близко и медленно присел на корточки. Долго смотрел мне в глаза, а я вдруг почувствовала, как в горле запершило и впервые за эти

несколько дней пребывания в центре захотелось заплакать.

– Привет, Найса. Ты знаешь, кто я?

Я кивнула и потрогала пальцем его погоны с белыми многоугольниками, а потом посмотрела на него долгим взглядом и молча обняла за шею. Он слегка вздрогнул, осторожно прижал меня к себе, вместе со мной встал во весь рост и направился к двери. Он не обращал внимания на причитания Магистра Деры о том, что еще не все проверки окончены, что нужно выждать шестьдесят один день в карантине, и что еще не все бумаги оформлены. Я сильнее и сильнее прижималась к нему в страхе, что он отпустит, что оставит меня в этом здании вместе с другими детьми, подобранными на Острове С, и больше никогда не вернется за мной.

– У нее были личные вещи?

– Мы их отправили на уничтожение согласно уставу №241, – отчеканила Дера.

Я вздрогнула и почувствовала, как стало больно внутри. Очень-очень больно. Почти так же, как когда поняла, что мама больше не улыбнется мне. Наверное, так же чувствуют себя взрослые, когда лишаются в один момент всего, что им было дорого. Всего того, что являлось ими и определяло их место под солнцем в собственных глазах. В этот момент мне показалось, что меня саму отправили на уничтожение согласно какому-то указу.

– Адмирал, – тихо всхлипнула я отцу на ухо свое первое слово, и он, наверняка, почувствовал влагу на шее, потому

что я беззвучно расплакалась. – Я хочу моего Адмирала. Они отобрали его.

Отец приподнял мое лицо за подбородок, долго смотрел мне в глаза, потом вытер слезы большим пальцем.

– Адмирал?

Я кивнула, а он улыбнулся уголком рта и повернулся к Дера.

– У нее была с собой какая-то кукла?

– Возможно, но контейнер с вещами вашей дочери уже доставлен в отсек «бета». Туда нет доступа.

– У вас есть десять минут вернуть игрушку.

– Запрещено! Вы же знаете, вещи могут носить бактерии
ВАМЕТА.

– Десять минут. Ровно десять. На то чтобы не лишиться должности, не предстать перед судом Комитета и не отправиться на Остров Д. И мы оба с вами прекрасно знаем за что.

Я же узнаю за что, спустя много лет. А тогда я и понятия не имела, что все мы, подобранные в мертвой зоне дети, оставлены в Научном центре для проведения секретных опытов, и что Дера подпольно занималась трансплантацией органов без ведома Корпорации и Комитета. Она торговала маленькими пациентами, как кусками мяса, обрекая их на страшную смерть. Моего зайца принесли очень быстро, я не знала, сколько времени прошло, но была уверена, что намного раньше установленного отцом промежутка. Наверное, именно в этот момент я поняла, что он полностью завоевал

мою любовь и доверие. Да, у детей все намного проще, чем у взрослых. Дети ценят мелочи. Незначительные, несурзные и иногда абсурдные, но то, что является мелочью для взрослого – для ребенка может быть целой вселенной. Отец даже не подозревал, что вернул мне меня...продлил мою жизнь...я потеряю себя намного позже, но не в этот день и не по его вине.

Тогда я была счастлива, если вообще можно назвать счастливым семилетнего ребенка, потерявшего мать и месяц прожившего в окружении полного мрака, разложившихся трупов и чего-то настолько ужасного, что даже самые яркие реалисты назвали бы не иначе, как Злом..

Когда мы летели в правительственном шатле на материк, я поудобней устроилась в объятиях отца, наслаждаясь его запахом и шершавостью колючей щеки. Я – не знаю почему – вдруг спросила у него:

– Если бы мама не умерла, ты бы никогда не приехал за мной, да?

Темно-серые глаза сузились, и он погладил меня по голове, а я в этот момент подумала, что он самый красивый мужчина на свете.

– Приехал бы обязательно.

Мы оба знали, что он лжет, но я очень хотела верить, что это правда, а он на тот момент был так же уверен в своих словах, как и любой человек, которого сжирают угрызения

совести.

Я держала отца за руку. Очень крепко. Мне было страшно войти в его красивый огромный дом, похожий на дворец. По сравнению с одинаковыми одноэтажными домиками работников лаборатории этот казался сказочным и ненастоящим. Я даже не представляла, что люди могут ТАК жить. Журчание воды в фонтанах завораживало, а шелест высокой зеленой травы заставлял в изумлении хлопать ресницами.

Я никогда в своей жизни не видела ничего подобного и теперь жалась к ноге отца и ежилась под любопытными взглядами прислуги.

Его НАСТОЯЩАЯ жена, такая же «ледяная», как и на снимках, приняла меня весьма доброжелательно, насколько вообще можно было принять ребенка женщины, с которой тебе изменял твой собственным муж. Она улыбалась мне, но в глазах я видела ту самую ненависть, которую испытывала и сама, когда смотрела на их счастливые фото. Она ревниво ищет во мне черты лица своего мужа, а я смотрю на неё и не понимаю, чем эта черноволосая ведьма с разукрашенным лицом и манерами снежной королевы оказалась лучше моей мамы.

А потом я впервые увидела брата в окружении других детей. Уже тогда он был лидером. Такое чувствуется инстинктивно. Власть ощущается на уровне подсознания. Мне кажется, её видно в каждом жесте, взгляде и манере говорить. Некоторые люди рождаются с ней в крови, а другие по прин-

ципу более слабых звеньев ощущают эту силу и примыкают к основному звену, как к магниту.

В этот же вечер я узнаю, что отец привез меня в свой дом как раз, когда его сын праздновал свое десятилетие. Я оказалась сомнительным подарком строптивому зарвавшемуся мальчишке, который не привык в своей жизни ни чем-либо делиться, ни в чем-либо себе отказывать.

Мальчик разглядывал меня пристально, как диковинное, но мерзкое насекомое, демонстративно сложив руки на груди. Его друзья бросали взгляды то на меня, то на него, скорее всего, ожидая реакции. Высокомерные поганцы, такие же, как и он. Но в самый первый раз, когда я увидела Мадана, я об этом не думала. Я вообще ни о чем не думала и с искренним детским восхищением смотрела на него, ощущая, как внутри что-то хаотично порхает, заставляя меня краснеть и смущенно опускать взгляд.

Никогда не видела таких чистых и красиво одетых детей на Острове С. Словно мы с ним из разных миров. Очень смуглый, с яркими неоновыми-зелеными глазами, похожими на молнии в секунду ослепительной вспышки, и иссиня-черными волосами – густыми и непослушными.

В темно-синем свитере, серых джинсах с многочисленными карманами и разноцветных кедах он настолько отличался от детей с моего Острова, что мне казалось, нас разделяет невероятная социальная пропасть необъятных размеров. После опостылевшего белого его одежда казалась мне слиш-

ком ослепительной, крутой и стильной.

Отец подтолкнул меня вперед, а мальчик брезгливо скрипил губы и громко, отчетливо сказал, так чтобы все услышали:

– Где ты взял эту страшную гусеницу, папа? Если она мой подарок на День Рождения, то вы с мамой можете выбросить её на свалку, а мне привезти новый футбольный мяч.

Его друзья громко расхохотались, а у меня от обиды и ярости потемнело перед глазами.

– Мадан, познакомься – это твоя сестра Найса. Обними её.

– Я ненавижу гусениц, – упрямо пробормотал он и пошел по направлению к дому.

---

*1 – мутанты далее будет раскрыто полнее (примечание автора)

*2 – Аббревиатура. Свободное Независимое Единое Государство (примечание автора).

ГЛАВА 2. Марана

Тряхнув головой, чтобы отогнать воспоминания, я открыла глаза, чувствуя, как ноют ушибленные ребра, и саднит разбитая губа. Казалось, я выросла в бетонный пол, на котором отсиживалась после последнего визита к офицеру Май-

ду. Он выбивал из меня признания методично и профессионально, я так же профессионально посылала его на хрен и, похоже, последний раз сильно достала. Он сорвался и пересчитал мне ребра своими квадратными ботинками с металлическими носками. Если бы не связанные руки и ноги, я бы выбила ему пару зубов, а так я могла только стоять на коленях, сплевывая кровь и радуясь тому, что Майл не отдал меня на растерзание другим заключенным. Такое часто практиковали, чтобы сломать наверняка. Ничто так не пригибает к земле и не превращает в грязь, как сексуальное насилие. Самый древний метод унижить женщину.

Стены карцера сдвинулись еще на несколько сантиметров, уже не оставляя места для ног, и я уперлась грязными подошвами высоких сапог в каменную кладку.

Порванные колготки обнажали счесанные колени, и, несмотря на то, что на мне были только короткий топ и юбка, едва прикрывающая зад, я умирала от жары.

В карцере намеренно отключили систему вентиляции и включили обогрев, «забыв» принести мне воды. Обливаясь потом и страдая от жуткой жажды, я старалась не думать об этом. Отключить чувства, как учил меня Джен. Я знала, что за мной наблюдают. Ждут срыва, паники, обычного психоза, который происходит с человеком, запертым в узком пространстве на долгое время. Только я не простой человек, меня учили выживать при любых обстоятельствах. Натаскивали, как зверя, долгими месяцами в самых невыноси-

мых условиях, и жара далеко не самое страшное из них. Я не сдохну, даже если эти стены заставят меня стоять по стойке «смирно» месяцами. Они хотели знать имя заказчика. Проблема в том, что я и сама его не знала.

Те, кто заказывают такую важную персону, как делегат Конгресса, имеют достаточно денег, чтобы оплатить свою анонимность. Мне заплатили даже больше, чем я просила.

У воинов братства «Черного аспида» свой кодекс чести и свои правила. Именно поэтому нас единицы, и мы лучшие в своем деле. Я знала все методы воздействия на неразговорчивых в этом засекреченном бункере-тюрьме, где содержали особо опасных преступников. Следующим шагом, наверное, будет суд, на котором меня приговорят к смертной казни и четвертуют на главной площади перед зданием Конгресса. После Гражданской войны законы изменились. Переворот, унесший жизни сотни тысяч, вопреки надежде повстанцев усугубил и без того напряженную атмосферу на материке, ожесточил правительство и разделил его на секторы. Бунт жестоко подавили, а всех виновных казнили без суда и следствия. Среди них был и мой отец... Семьи бунтовщиков сослали в закрытые зоны и на острова, жестоко расправились даже со стариками и детьми. Император был безжалостен в своей мести Соппротивлению.

Если бы Майл знал, чья я дочь, меня бы разорвали на части. Но Найсы Райс уже не существовало. Она погибла несколько лет назад. Была казнена вместе с другими детьми

мятежников, сожжена заживо на священном костре вместе с мачехой... А я... я стала никем и была никем, пока не появилась Марана.

Марана, которая ничего не чувствовала, никогда не плакала и убивала настолько хладнокровно, что ей могла бы позавидовать инквизиция материка. Марана, которая так нелепо прокололась на последнем заказе.

Я удивлялась, почему меня до сих пор не казнили.

Им что-то нужно. Потому что слишком долго возятся, слишком долго ломают, при этом все же не до конца. Бьют так, чтобы не загнулась, пытаются так, чтобы не сдохла, и не насилуют... а ведь я заметила тот самый похотливый блеск в глазах Майла. Что-то подсказывало мне, что ему не разрешают. Пока. Я видела, как из его кабинета выносили несчастных с вырванными ногтями, раздробленными пальцами, растерзанных и зверски изнасилованных женщин с окровавленными ногами и лицами, заплывшими от побоев. Мне казалось, он специально показывает, что может случиться со мной, если я не начну говорить. Было ли мне страшно? Да. Не бояться только слабоумные.

Я раз сто перебрала каждый свой шаг, пытаюсь понять, где я прокололась, и не находила ни одной ошибки, но где-то я её все же допустила. Джен, мой учитель, всегда говорил, что наемник может сделать только один промах в своей жизни. После этого ему стоит либо вспороть себе брюхо, либо сдохнуть от топора палача, но не проговориться.

Подыхать мне не хотелось. Я оказалась плохой ученицей, так и не рассталась с душой, не отпустила её, как того требовал Джен от своих учеников.

Нет, я не боялась смерти. Я несла её в себе с того самого момента, как она постучалась в моё сердце и убила маленькую, нежную Найсу Райс, которая верила в добро и любовь. Вместо неё родилось смертоносное чудовище Марана. Это имя дал мне Джен при посвящении, когда набивал мне на позвоночнике черную крылатую змею – знак принадлежности братству. Диковинная тварь жила на мне своей жизнью, и я так и не знала, является ли она частью Мараны, или это Марана часть этой самой змеи, которая, почуяв запах смерти, начинала извиваться вдоль моего позвоночника, а может быть, мне казалось, что извивается. Джен говорил, что в момент посвящения наши души слились, и теперь во мне душа Черного аспида, а мою собственную я должна отпустить. Религиозные бредни. Я не верила ни в одну из них. Мне нужно было от него только одно – научиться убивать и выживать.

Он учил нас раскрывать смерти объятия, а я уже давно слилась с ней в единое целое. У меня нет сердца. Оно было когда-то у Найсы, но она сгорела живьем, и я больше не слышу по ночам её крики агонии. Да, ей все еще бывает больно, а мне уже давно нет. Умеют ли мертвые плакать? Умеют. Они приходят по ночам и раздирают нам душу воспоминаниями. Я убиваю её снова, закапываю и утрамбовываю над ней землю...но ей удастся иногда выбираться наружу и из-

водить меня проклятыми картинками из своего прошлого.

Я её ненавидела и боялась так же сильно, как многие боятся меня. Поэтому слова Джена пустой звук. И плевать на законы братства. Я живу по своим законам и по своим правилам.

Я сказала об этом наставнику перед тем, как отрезала ему и его змее головы. Еще неизвестно, у кого из нас была душа. Он научился доверять мне, а я не доверяла никому и никогда в своей новой жизни. Марана сама по себе. Для неё не существовало законов братства «Черного аспида», она получила всё, что ей было нужно, а потом замела следы, уничтожив своего учителя, который слишком много о ней знал, который и слепил из нее идеальную машину для убийств без жалости и угрызений совести. Я с ним расплатилась сполна.

Он приютил нищую оборванку, которая пришла в его убежище – худая и полумертвая от голода – и продала себя в братство, дав обет. Он ваял из неё смертоносное оружие, чтобы отправлять на те задания, которые может выполнить только женщина, и забирать почти весь её гонорар в казну «Аспида», а точнее – себе в карман. Джен надеялся купить паспорт республиканца и официально жить на материке без страха быть сосланным на один из вымирающих островов. Все его пафосные рассказы о душе и чести воина братства не больше, чем сказки для наивных учеников-фанатиков. Когда я это поняла, то даже не разочаровалась. Я привыкла к тому, что в этом мире предают даже самые близ-

кие и родные. Меня и мою семью уже предал тот, от кого я этого никогда не ожидала. А Джен был всего лишь наставником, который каждый раз рисковал нами на благо своих интересов. Я расчленила его труп и привезла в ящиках на свалку, оставив на съедение голодным бродячим псам-мутантам, а потом хладнокровно наблюдала, как они обгладывали его узкоглазое лицо, пока я грызла зеленое яблоко, сидя на одной из коробок с оригинальной надписью «благотворительная помощь».

Впрочем, рано или поздно он бы меня прикончил сам. Я всего лишь нанесла удар первой. Когда я выберусь отсюда, то заберу из тайника все его деньги и куплю себе еще одну новую жизнь...

Снова закрыла глаза, вспоминая, как надела парик с белоснежными волосами, как красила губы ярко-красной помадой, как натягивала чулки-сетку, кружевное черное белье, топ и короткую кожаную юбку. Именно такой хотел меня видеть клиент. Он даже прислал мне вещи и фотографию той, на кого я должна была быть похожа. Я убила его чисто и красиво. Без следов насильственной смерти, как учил нас Джен. Мне никогда не нужно было носить с собой оружие. Любой из предметов мог стать в моих руках смертоносным. Даже чайная ложка и моток ниток.

Пока делегат Лорн, распятый на постели с привязанными к спинке кровати шелковой веревкой руками, плотноядно смотрел на меня, дергая жирной задницей, призывая посо-

сать короткий толстый «леденец у папочки» под пузом и пощекотать ему яйца, я думала о том, что этот паршивый извращенец утром зайдет в здание Конгресса и будет подписывать новые законы для Свободной Республики. Тогда как сам по ночам ездит в трущобы и трахает малолетних девочек в номере дешевого отеля, дробит на детское порно в интернете и переодевает юных проституток в одежду своей падчерицы.

Оседлав его жирные ляжки, я засунула ему в горло поролоновый валик, подождала, пока он задохнется, достала паралон из глотки, любуясь посеревшим лицом делегата, и благополучно бросила свое «оружие» в камин. Только уйти не смогла. Как только я оделась, в номер ввалился вооруженный до зубов отряд тайной полиции. И обостренное змеиное чутье мне подсказывало, что кто-то с моей помощью убил сразу двух зайцев: и меня подставил, и с позором устранил делегата Лорна. Кто-то заманил Марану в ловушку. Если я права, то этот кто-то совсем скоро даст о себе знать.

И я не ошиблась. Лязгнул замок на железной двери, меня рывком подняли с пола и потащили по узким коридорам подземного бункера. Ушибленные ребра невыносимо болят, а вывернутые руки заломили мне за спину так, что в глазах темнело от боли.

На этот раз в небольшом стерильно-чистом кабинете почти без мебели меня не ждал офицер Майл. Стены сверкали идеальной стерильностью. Интересно, сколько раз в день с них смывают кровь и чьи-то мозги?

На стеклянном столе стоял поднос с аппетитным мясным рулетом, сладостями, фруктами и графин с холодным вином. Я стиснула челюсти, стараясь справиться с животным желанием наброситься на еду и питье. Меня не кормили с самого первого дня пребывания в карцере. Только в пищу могли подмешать что угодно, чтобы развязать мне язык и заставить мучиться от воздействия какого-нибудь хитросделанного яда.

ГЛАВА 3. Марана

Я села в мягкое кресло и закинула ноги на столешницу, скрестив руки на груди. Грязная подошва сапог рядом с белоснежными салфетками. Кондиционер работал во всю мощь, и от наслаждения я закатила глаза. Ненавижу жару. Ненавижу запах пота и липкость кожи. Холод проникал в поры, охлаждал пылающий мозг, и мне невероятно захотелось уснуть. По-настоящему. Вырубиться в этом удобном кресле хотя бы на полчаса, но я не могла позволить себе подобную роскошь ни в карцере, ни тем более здесь.

Смотрела на аппетитные булочки, и во рту беспощадно выделялась слюна. Боже! Я бы сейчас убила за глоток воды и кусок хлеба, но нельзя. Это такой же психологический ход, как и кондиционер после обжигающей духоты карцера. Меня пытаются расслабить. Черта с два. Сейчас я была напряжена и сосредоточена намного сильнее, чем на любом из до-

просов.

– Встань, мразь!

Усмехнулась, не оборачиваясь:

– И тебе здарсьте, офицер Майл. Скучал по мне, красавчик? Дрочил или трахал шлюх, чтобы расслабиться после нашей последней встречи?

С места я не сдвинулась.

– Вот же ж сука!

Он в два шага оказался возле меня и сгреб здоровенной ручищей мои волосы в кулак, дергая вверх, заставляя поморщиться.

– Отставить, офицер!

Я продолжала улыбаться. А вот и сам заказчик. И не кто-то там, а родной брат и личный советник Императора. Его вкрадчивый бархатный голос не перепутать ни с чьим. Каждый житель материка узнает его. Именно этим голосом нас уверяют, что Республике не грозит опасность, что последствия катастрофы на Острове С устранены, а отголоски восстания нам больше не страшны, так что все мы можем наслаждаться жизнью, которая принадлежит Родине и Императору. Императору, которого я ненавидела, и который убил моего отца.

– Оставьте нас одних.

– Но, господин Советник... она.

– Ничего не сделает. Слишком хочет жить. Верно, Марана?

– Верно, – весело ответила я и тряхнула грязными волосами, когда Майл убрал руку. – Она хочет. Она вообще много чего хочет.

– Желания имеют свойства исполняться, Мара. Считай, что я добрый волшебник и пришел сюда, чтобы превратить твою жизнь в сказку.

Я запрокинула голову на мягкую спинку и поудобней устроилась в кресле.

– В сказку? Никогда не любила сказки. Кошмары намного честнее.

Советник сел напротив, ухмыляясь уголком узкого рта и демонстративно разглядывая меня. С явным интересом. Не мужским, а каким-то едко-опасным интересом. Так обычно разглядывают товар, который требует больших вложений, и раздумывают, стоит ли оно того или нет.

– Ешь, еда не отравлена. Как ты понимаешь – ты мне нужна, иначе тебя бы уже давно превратили здесь в кусок гниющего, непотребного мяса, коим ты и являешься по своей сути.

Я, слегка прищурившись, посмотрела ему в глаза, а потом подумала, что так и есть – я ему нужна, иначе он не притащил бы сюда свою тощую хитрую задницу. А он нужен мне, иначе я убила бы его незамедлительно прямо сейчас. Например, десертной ложечкой, торчащей из вазочки с джемом.

Советник протянул мне горячую булочку, и я с наслаждением откусила кусок, застонав от удовольствия.

– Боже-е-е, это – ка-а-айф. – Отпила прямо из графина ледяного вина.

– Ты слишком эмоциональна для женщины-воина из братства «Аспида».

– А вы знали много женщин, состоявших в братстве?

Я набила полный рот и высматривала, что б еще такого съесть после того, как прожую булку с вареньем.

– Ни одной, – честно ответил он, продолжая меня рассматривать.

– Я бы не отказалась от шоколада, – пробормотала с полным ртом, делая еще один глоток вина.

– Шоколад надо заслужить.

– Интересно как?

– Например, для начала убрать грязные ноги со стола.

– Вам не нравятся мои ноги, Советник? Разве они не красивы? Или женские ноги вас не привлекают?

Я закинула ногу на ногу, и улыбка исчезла под седыми усами Советника, взгляд черных глаз стал непроницаемым. Нет, я не испугалась, сделалось любопытно, что это его так насторожило, или он стесняется своих нежно-голубых наклонностей, о которых и так всем известно?

– Красивые. В тебе все красивое, Мара. Ты прекрасно об этом знаешь. Это же твое основное оружие и приманка. Старик Джен не зря вложил в тебя немало средств. Идеальная шлюха, идеальная убийца. Именно поэтому ты мне подходишь.

За шлюху я могла бы сейчас убить его так быстро, что даже охрана за дверью не успела бы глазом моргнуть. Но тогда уже завтра меня бы разрезали на ровные части и оставили их гнить в сточной канаве или бросили бы псам, охраняющим здание Конгресса.

– Для чего подхожу?

– Очередной заказ. Ничего особенного.

Звучит слишком просто. Мне никогда не нравилось, если что-то звучало слишком просто – это всегда означало подвох.

– Если ничего особенного, то зачем вы здесь? Разве в Свободной Республике не хватает солдат-наемников, готовых выполнить любой приказ брата Императора?

– Ничего особенного для тебя, Мара. Для других невозможно.

– А если я откажусь?

Советник откинулся на спинку стула, протянул холеные длинные пальцы к блюду с лесными ягодами и, выбрав ярко-красную, самую спелую, отправил её в рот. Капли сока брызнули на его белую бороду, и он осторожно промокнул губы салфеткой.

– Ты знаешь, что особо опасных преступниц вроде тебя даже не судят? Приговор выносит Комитет.

Этого я не знала. Либо недавно вышел новый свод законов, о которых не торопились объявить во всеуслышание, либо он блефует. Советник Шан открыл ящик стола, достал

черную папку, медленно раскрыл и протянул мне ровный, идеально гладкий лист бумаги с многоугольной печатью Комитета.

– Ознакомься.

Я пробежалась взглядом по бумажке и почувствовала, как внутри все сжалось, а вдоль позвоночника побежали мурашки. От одного слова «Остров» меня бросило в холодный пот. Что угодно, только не это проклятое место.

– Как долго ты сможешь продержаться там среди головорезов без рейтингов и помощи с материка? Сколько раз тебя пустят по кругу, продадут из рук в руки, пока, в конце концов, не убьют или не превратят в грязную, дешевую потаскушку, готовую переспать с кем угодно за кусок хлеба?

Я его почти не слышала... Меня не пугало ничего из того, что он сказал... Меня пугало само слово «Остров». Я слышала о нем. Джен рассказывал. Оттуда не возвращаются. Никогда.

– Приговор утвержден. Ты отправишься туда в любом случае. Согласна ты на мое предложение или нет, никого не волнует. Но! В случае согласия я могу гарантировать, что тебе помогут продержаться, не сдохнуть, и, если ты выполнишь заказ, тебя вернут обратно. Получишь новые документы и заживешь нормальной жизнью.

Я вскинула голову и внимательно посмотрела на Советника.

– Зачем вам я? На острове хватает головорезов и отмо-

розков. Любой из них исполнит ваш приказ.

– На острове иные законы и правила, и не все так просто, как тебе кажется.

– Разве там нет действующей власти?

– На острове произошел бунт заключенных. Многие вышли из-под нашего контроля.

– Вот как...

– Не задавай лишних вопросов. Если согласишься, тебе всё расскажут позже.

– Согласна на что?

– Работать на Корпорацию, Мара.

– Смотря что Корпорация может предложить мне взамен.

– Жизнь. Корпорация предлагает тебе новую жизнь.

Звучало более чем заманчиво, да и выбора он мне не оставил.

– Я хочу увидеть объект, прежде чем дам своё согласие.

Советник пожал плечами и повернулся к прозрачному тонкому экрану телевизора. Протянул руку, нажимая пальцами на сенсорные кнопки, набирая код доступа. В кабине погас свет, и я увидела, как камера, словно в стремительном полете, приближается сверху-вниз к клочку земли. Самый дальний из цепочки островов и самый близкий к Мертвой зоне. Половина острова скрыта цензурной мозаикой, а вторая красочным зеленым пятном выделяется на бирюзовой глади океана. На вид райское местечко. Только я давно уже привыкла, что в этом мире все далеко не такое, каким

кажется. Остров Д дикий. На нем никогда не было цивилизации. Одному дьяволу известно, какие твари водятся там. И я сейчас далеко не о фауне.

Камера проехала по густым джунглям и выхватила в одичавшей, буйной гуще деревьев мини-арену, на которой друг напротив друга стояли два парня, окруженные толпой мужчин и женщин.

– Это запись. Сделана более месяца назад.

Камера вначале выхватила лицо светловолосого, заросшего щетиной здоровенного детины с обезумевшим звериным взглядом. Я не совсем понимала, что там происходит, но это весьма напоминало мне бои без правил.

– Что это?

– Бой провинившихся. Так захотели зрители. Игроков засадили в медвежью яму без еды и воды на трое суток. Они могут выиграть себе свободу в бою. Из ямы выйдет только победитель.

– Игроков?

– Игроков. Заключение автоматически становятся игроками, подписав договор с Корпорацией на согласие принять участие в шоу.

– А побежденный?

– Побежденный умрет. Видишь внизу индикаторы? Это рейтинги. Если рейтинг победителя увеличится, то рейтинг проигравшего упадет ниже синей отметки – это значит, что все ставки на него обнулятся и перейдут тем, кто ставил на

второго.

Над индикаторами высветились имена заключенных, и мне показалось, что пол подо мной завертелся с такой скоростью, что меня затошнило. Я была благодарна темноте в кабинете, потому что точно знала – сейчас моя кожа имеет бледный, синеватый оттенок, а подбородок слегка подрагивает, и я не могу контролировать эту дрожь.

Камера медленно двинулась к другому заключенному, увеличивая изображение, а у меня внутри затикал персональный часовой механизм отсчитывая последние мгновения до смертоносного взрыва. Сейчас меня раздерет на части...

Но нет... не разорвало, только руки сжались в кулаки, и ногти вспороли кожу на ладонях. В камеру смотрели ярко-зеленые неоновые глаза, сверкающие из-под густых бровей...

Больно. Невыносимо больно разъедало изнутри узнаванием и пониманием, острыми, как осколки, обрывками воспоминаний. Найса завывала, беззвучно раскрыв рот в вопле агонии, а я смотрела на экран, вздернув подбородок, и чувствовала, как, несмотря на прохладу в кабинете, над верхней губой выступили капельки пота от нечеловеческого усилия держать себя в руках.

– Вот твой объект. Подберешься к нему поближе, добудешь нужную нам информацию, а потом убьешь его.

Камера снова вернулась к белобрисому, и я вздрогнула,

когда увидела, насколько он больше и сильнее Мадана.

– Разве Неон не проиграл этот бой Багару? – сказала я и не узнала свой голос. Нет, он определенно не изменился... но это голос Мараны... а я в эти самые секунды чувствовала, как плачет внутри Найса... Найса, которая не хотела верить, что её любимый предатель-брат умер во время восстания, которая искала его и надеялась, что он жив.

– Не проиграл. Ублюдок никогда не проигрывает. Он, сука, неубиваемый. – Я быстро посмотрела на Советника, а тот нервно кусал тонкие губы. – Видишь ставки? Он разделался с врагом в считанные секунды. Для него Багар не соперник.

«Бабочка... красивая, яркая... такая безумно красивая. Моя бабочка».

На экране игрок по кличке Неон перерезал горло противнику леской. Я видела, как тонкая нить входит в плоть белобрысого, как в масло, а в ушах эхом режет наше прошлое...

«Я убью каждого, Най, каждого, кто скажет о тебе плохое... каждого, кто не так посмотрит. Я сдохну за тебя, бабочка. Ты мне веришь?».

Белобрысый дергался в предсмертных конвульсиях. Индикатор рейтинга щелкал, словно накаляясь, до красного цвета и пожирал второй, где рейтинг стремительно падал, пока не достиг нуля.

«Мы уедем. Посмотри на меня. Мы уедем туда, где никто не узнает о нас. На любой из островов. Начнем новую жизнь. Только не плачь, бабочка. Никогда не плачь... Ты мне

веришь?»

Бабочка поверила, и теперь её нет. Ей оборвали крылышки, и она мучительно долго умирала. А потом возродилась из пепла и мутировалась в смертоносную, ядовитую змею.

– Убей его, чтобы выжить, – вкрадчиво сказал Советник, и экран погас, погружая кабинет в крошечную тьму.

– Убью, – сказала Марана, а Найса затихла и медленно растаяла.

ГЛАВА 4. Марана

Правительственный шатл быстро пересекал пространство над океаном. Мне не было видно, где мы сейчас, я смотрела в окно, а там только небо с насыщенно-сизыми облаками. Лихорадочно вспоминала галогенную карту, показанную мне Советником. Он не ответил мне на много вопросов...но больше всего меня беспокоило другое – почему почти половина скрыта мозаикой? Что нам не показывают? О чем не говорит он мне?

В записях с онлайн трансляций – то же самое. Если камера снимает остров сверху, зрителю видна лишь южная его часть, а северная скрыта. Советник сказал, что это не важно, и его разделяет стена. Что за стеной – нам знать не положено, и нас не касается. Мне не понравилось, как он тут же сменил тему, словно я спросила у него нечто весьма мелкое и не имеющее никакого значения. Я вернулась к вопросу еще

несколько раз, но он снова ловко уходил от ответа, и тогда я поняла, что за стеной есть нечто, что напрягает и самого Советника.

Единственное, о чем он все же упомянул, это то, что стена под током, и никто не может проникнуть за ее пределы. На вопрос – «а из-за ее пределов?» он мне опять не ответил.

Перед посадкой нас дежурно спросили, готовы ли мы. К чему? К смерти никто и никогда не готов. Потому что готовых она обычно не забирает, она уносит тех, кто хочет жить. Меня когда-то не взяла. Я пришла на свидание во всем черном. Я даже ей цветы принесла – красные, как она любит, но она решила, что ей удобнее жить во мне, чем уводить с собой.

Советник дал мне время обдумать свою стратегию. Когда я вошла в зал суда, вздернул одну бровь и криво усмехнулся уголком узкого рта. Ему понравился новый образ. А мне нет. Я не была уверена ни в чем.

Проблема в том, что я могла обмануть кого угодно. Обвести вокруг пальца, одурачить практически любого, но не Мадана. Он слишком хорошо меня знал. Меня настоящую. А я... мне кажется, я его не знала никогда. Все эти дни подготовки к отплытию на Остров я думала о том, что он жив... и что хуже всего – я поняла, каким образом он остался в живых. Этого я ему никогда не прощу. Я бы многое могла... даже то, как он поступил со мной. То, во что превратилась моя жизнь, то, во что превратилась я сама без него, то, чего я

была вынуждена лишиться и отдать. Но не предательство. Не трусливое, мерзкое, гнилое предательство всей нашей семьи.

Хотя какая-то часть меня выла от дьявольской радости, что он выжил, что дышит проклятым, ядовитым воздухом вместе со мной, что смогу увидеть его еще раз. Когда-то я молилась об этом, выпрашивала один единственный разочек, краем глаза, мельком, но увидеть... Пусть во сне или в мечтах... хотя бы где-нибудь. Я была согласна даже сойти с ума, лишь бы его образ являлся мне и изводил по ночам. Но он мне не снился, не виделся в других мужчинах, не приходил призраком, чтобы истязать. Я слишком замерзла, чтобы чувствовать его. Слишком много лишилась, кроме него. Меня просто окружала пустота. Глухая и зловещая пустота, в которой не осталось ничего из прошлого, и в которой я не видела своего будущего. Иногда мне казалось, что я живой мертвец. Такой, как меты. Зараженная, бездушная и бессердечная оболочка, которую надо уничтожить, чтобы она не отравила смертью остальных. А потом воскресла Найса, и я корчилась от боли. Вот она уже не была пустой. Ее наполняло отчаяние. Она приносила мне его и пыталась часами напролет, вскрывала мне грудную клетку холодными дрожащими пальцами, показывая, что сердце осталось, что душа кровоточит и разодрана в клочья, что я не мертвая... но лучше бы умерла. И тогда мне хотелось, чтобы он пришел ко мне... ненадолго. На секунды и мгновения. Я бы даже простила ему все, что он сделал с нами. Я бы смогла... наверное.

Кто-то там наверху услышал мои молитвы... Но кому от этого легче? Не мне. Сейчас я бы предпочла, чтобы Мадан все же был мертв. Я уже его оплакала, попрощалась. Я уже научилась жить с этим... И вдруг он воскрес. Это жестоко. Это настолько жестоко, что мне казалось, я задыхаюсь от понимания, насколько судьба посмеялась надо мной. Это будет самое страшное задание за всю мою жизнь, и я не была уверена, что справлюсь. Если Мадан поймет, кто я и зачем на Острове – я сама превращусь в добычу. Ведь мой брат был одним из самых лучших учеников Джена. До меня. До того, как умерла Найса. Раньше братство называлось иначе, являлось элитным подразделением армии Свободной Республики и подчинялось Корпорации, пока их всех не казнили после попытки переворота.

Именно тогда Джен сбежал в горы и организовал братство «Черного аспида» без ведома и разрешения Корпорации. На самом деле я прекрасно знала, что правительство продолжает пользоваться его услугами. Именно поэтому Никто пришла к Джелу несколько лет назад.

Пошевелила руками за спиной – магнитные браслеты включены и прилипли друг к другу намертво. Под кожей на затылке саднил шрам от вживленного чипа и свежей татуировки телесного цвета, которая прятала мою змею.

Будут отслеживать нас, твари. Я даже не сомневалась в этом. Только не знала, каким образом, пока мне не вогнали пластину. На экране дисплея появилась синяя звездочка с

моим именем, и Советник удовлетворенно прищелкнул языком.

Нас было шестеро. Новичков, вывезенных в полный хаос и неизвестность. Одного я сразу сбросила со счетов. Загнется, едва ступит на землю. Чужая слабость, как и сила, ощущаются почти на физическом уровне. Ты видишь по глазам, кто сломается, еще до того, как судьба ударит по-настоящему. Впрочем, я могу и ошибаться.

Как вот этот борзый отморозок по кличке Штырь, с «ежиком» на голове. Смотрит на меня и плотоядно облизывает губы. Он тоже ошибается во мне.

– Как только мне освободят руки, я первым делом отражаю тебя в твой пухлый ротик, куколка. Говорят, на Острове мало телок. Станешь моей – обеспечу охрану. Ну как, по рукам? Пахнешь мармеладом. Я люблю вылизывать мармелад. М-м-м.

Подвигал бедрами, имитируя толчки, закатывая глаза, и прищелкнул языком. Я усмехнулась про себя: «Попробуй. Рискни». Бросила взгляд на свою соседку – мускулистую, светловолосую девчонку с множеством тонких косичек и острым длинноватым носом. Беззвучно шевелит губами. Сжимает и разжимает пальцы. Ей страшно. Еще бы. Мне тоже страшно, даже несмотря на то, что я приучена выживать в любых условиях. Но никто не знает, какие именно условия ждут нас на острове. А точнее – полное отсутствие этих самых условий.

Бросила взгляд на ноги белобрысой в мокасинах с грязными шнурками, на руки с обгрызенными ногтями. Она из резервации. Когда зачитывали статью, она тогда еще что-то шептала. То ли молилась, то ли напевала.

– Что уставилась, сука? Что-то интересное увидела?

Я отвернулась и медленно выдохнула, успокаиваясь. М-ране рано выходить на сцену. Её не должны вообще почуять. Для всех я дочка богатеньких родителей-ученых, расстрелянных за передачу секретной информации главарям Сопротивления. То бишь я политическая. Маленькая девочка с невинными глазами, пухлым ртом и модельной внешностью. Любимая роль Джена. Всегда четко срабатывает и почти со всеми. Этот образ вызывает доверие. Потенциальная жертва для таких, как Штырь, и бельмо на глазу для таких неудачниц с резервации, как белобрысая Лиса. Да, я запомнила их имена. Я вообще все отлично запоминаю. Я видела бледное лицо наркомана, трясущегося в абстинентном синдроме – загнется сразу же. Такие не выдерживают. Он свое испытание на прочность прошел как раз до того, как вколол себе в вену дурь. Тогда же и сломался.

А девчонка в очках, которая плакала, уставившись в одну точку... Она выглядела как серая мышь. Длинные русые волосы, заплетенные в две косы и уложенные корзинкой на макушке. Хрупкая, худая. Похожа на больную анорексией. И взгляд жалкий, загнанный. Обижена на весь мир. Отличница и гордость академии, выпускающих магистров научного

центра... Не так-то проста, как кажется. Убила однокурсницу шариковой металлической ручкой. Пятьдесят пять проникающих ран по всему телу. В преступлении созналась и сказала, что дико сожалеет. В нее сам дьявол вселился. Она не знает, как это произошло. Еще одно живое доказательство, насколько обманчива внешность. Жертва была раза в два больше, и все же психопатка умудрилась повалить ее на пол, оседлать и колоть ручкой со всей дури. На суде показывали кадры с камер наблюдения. Достать можно кого угодно, даже вот таких вот лохов по жизни. В каждом прячется зверь. В ком-то это трусливый шакал или гиена, пожирающая падаль, а в ком-то опасное смертоносное чудовище. И далеко не все страшные хищники выглядят таковыми при первом взгляде. Иногда маленькие твари намного опасней и коварней больших монстров.

Оставался еще Молчун. Это я его так прозвала. С суда и до этого момента он не произнес ни слова. Здоровый, как бык, с толстой шеей и лысой башкой, он напоминал мне члена религиозной секты. Фанатика, из тех, что кидают в правительственные кортежи зажигательной смесью, бьют окна церквей и беспредельничают в общественных местах. Кто-то из них будет следить за мной. Советник обязательно должен был подстраховаться. Вербануть еще одного. Для уверенности. Хотя не исключено, что этот кто-то может быть не среди новичков, а на острове.

Я снова смотрела в окно, думая о той информации обду-

мывая полученную информацию, которую получила. Остров уже давно раскололся на две части. Мятежники и те, кто на них охотится взамен на обещание получить такую желанную свободу. Из этого тоже сделали шоу. Мне рассказали об острове все, что полагалось знать при моей миссии. Но я была уверена, что не знаю и половины. Советник мне не доверял и правильно делал. Я сама себе не доверяла. И чем ближе я была к острову, тем сильнее нервничала. Мой маскарад мог сорваться в любую минуту. Марана не особо умела сдерживаться в стрессовых ситуациях, да и змея на моем затылке... Оставалось уповать, что о её значении никто не знает... даже Мадан... Что она надежно спрятана, и никто не догадается о двойной наколке. Ведь раньше братство не носило таких татуировок. Солдаты сопротивления выбивали себе на плече символ свободы – Орла.

Осмотрелась по сторонам: я рядом с кабиной пилотов, четыре конвоира сопровождают новеньких, двое на сидении справа и еще два – слева. Особо за нами не следят. Уткнулись в тонкие, как папиросная бумага, планшеты и о чем-то переговариваются. Смеются. Им на нас наплевать. Да и что мы можем сделать с закованными руками. Хотя, я бы смогла. Справилась бы со всеми... Только смысла нет. Шатл не посажу, а если и посажу, то кто знает, не уничтожат ли меня с пункта управления на материке.

Все молчат. Напряжены, как и я. И не зря. С той же секунды, как мы ступим на эту проклятую землю, начнется игра на

выживание. Первый раунд. Неизменные правила многоуровневого квеста. Нам показали карту острова с обозначенным пунктом «мерд». Место расположения заключенных-игроков. Туда доберутся живыми далеко не все. Но вначале мы попадем в карантин, где нас продержат несколько дней. Я понятия не имела зачем.

У одного из пилотов щелкнула рация, и я услышала его приглушенный шумом двигателя голос:

– Мерд-один – мерд-один. Как слышите? Прием.

– Слышим вас, пилот Слан.

– Мы свернули с курса. У нас плохая видимость – идем на посадку севернее утвержденных координат. Как поняли? Прием.

– Время до предполагаемой посадки?

– Двадцать минут. Траекторию полета видите?

– Нет. Идут помехи из-за бури. Старайтесь держаться как можно южнее. На связь еще через десять минут.

– Нас встретят?

– Помощник командора ждет точных координат.

– Вас понял. Отбой.

ГЛАВА 5. Марана

Снова бросила взгляд на мокасины белобрысой – один шнурок развязан. На плече, под рукавом короткой футболки – полустертая татушка с орлом. Интересно. Весьма и весьма

интересно. Мне нужны союзники. Обязательно нужны. Одна я пока не продержусь.

– Шнурки завязать надо, – шепнула ей.

– Пошла ты.

– Как знаешь. Руки нам вряд ли освободят. Упадешь – могут и пристрелить, – усмехнулась я.

Она уставилась на меня пронизывающим ненавистью взглядом.

– Самая умная, да? Таких пушистых заек, как ты, тут быстро определяют ублажать главарей. Думаешь, на острове как дома? Черта с два. Это большая дерьмовая дыра, где у женщин нет никаких прав, кроме как ублажать тех, кто сильнее, особенно если у нее смазливая физиономия и есть сиськи с задницей. Может, лучше, чтоб пристрелили, чем трахали во все дыры.

– Откуда знаешь?

– За игрой следила.

Интересно, каким образом. Если сайт игры доступен только для тех, кто мог оплатить вход и участие. Но она словно прочитала мои мысли.

– Мой парень взломал их систему еще полгода назад. Он был бойцом Сопротивления. Суки приговорили его к смерти. Так что отдадут тебя, синеглазая, на потеху игрокам за бабки или за очки. Сосать каждому будешь, кто заплатит главному.

Она расхохоталась.

– Считаешь, что таким, как ты, в рот не дают?!

Тут же стих смех, и она снова уставилась на меня. Не ожидала?

– А я каждому яйца зубами отгрызу, если посмеют. Я играть буду наравне с мужчинами, а не ходить по рукам.

– С чего ты решила, что мои зубы менее острые, чем твои?

– Слишком белые они у тебя. Под мясо не заточены.

– У здорового зверя всегда белые и сильные клыки.

Наши взгляды встретились, и я кивнула на ее мокасины.

– Ноги на сидение поставь – завяжу.

– В подруги набиваешься, зайка?

Зрачки сузились, и она прищурилась. Тертая, закаленная.

То, что мне надо. Только слишком дерганая. Психует сразу.

Выдержки – ноль.

– Выжить хочу. Вдвоем выжить легче. Если игру видела, знаешь, что после карантина будет, – тихо сказала я, продолжая смотреть ей в глаза. Если сейчас не срастется с ней, то потом на это шансов станет намного меньше. В карантине рассадят в разные клетки.

– Штырь тебе выжить поможет, – оскалилась, запрокинув голову и заливаясь смехом.

– Штырь сдохнет в первом же раунде.

Она склонила голову к плечу, а потом резко поставила ноги на сидение, и я развернулась к ней спиной, завязывая шнурки на ее мокасинах, в этот момент она закинула ноги мне на плечи и стиснула коленями мою шею. Сильно стисну-

ла, так что у меня перед глазами потемнело. Сука бешеная. Не вынуждай выпустить Марану. Рано еще. Слишком рано.

– Это ты сдохнешь еще до первого раунда, за-а-айка. Я замерла, позволяя ей держать колени на моей шее и думать, что давит достаточно сильно, чтобы я начала задыхаться. А потом резко дернула головой и впилась зубами в ее ляжку. С такой силой, что прокусила до мяса. Держала, как бульдог, вгрызаясь сильнее... Она попыталась вырваться, но я слишком крепко сцепила зубы, если прокушу вену – кое-кто истечет кровью.

– Я поняла... Отпусти. Мир.

Разжала зубы, и Лиса тут же убрала ноги, тихо постанывая, а я даже не обернулась к ней... Запрокинула голову, слизывая кровь с губ и глядя на ошалевшего Штыря. Да, маленький, куколки бывают зубастыми. Все еще хочешь дать мне в рот?! Кажется, он передумал, а я подмигнула ему, продолжая облизываться. Осмотрелась и увидела, что все игроки устали на меня. Даже Молчун, который до этого времени, кажется, видел только свои массивные ботинки.

– Хм, и правда зубы крепкие. Спасибо за шнурки, зайка. Я усмехнулась. Проверка на вшивость пройдена.

– Чего ржете, твари?! А ну спустила ноги, сука! Ровно сесть. Держать дистанцию, шлюхи гребаные. Не разговаривать!

По нашим спинам прошлись хлыстом, и мы обе выпрямились, переглянувшись.

– Я убью его первым, – процедила Лиса.

– Нельзя. Рейтинг обвалится.

– По хрен. Мразь такая. Он меня еще там в подвале поло-
совал. На спине места живого нет.

– Убьем позже, – подняла взгляд на девчонку и увидела
ошалелую улыбку на ее губах, – кишки ему выпустим.

– А ты мне нравишься, – тихо сказала она.

– Ты мне тоже нравишься.

– Всем заткнуться – мы идем на посадку. Закрывать рты.
Закрывать, я сказал!

Я бросила взгляд на Лису, потом на главного конвоира –
он подходил к каждому и заклеивал рот скотчем.

– Скотч снимут после церемонии знакомства. Вам запре-
щено разговаривать все время, которое вы проведете в ка-
рантине. Каждый, кто заговорит, будет наказан. Кусок языка
за одно слово. На вопросы Первого командора Хена отвечать
кивком головы. Если он захочет услышать ваши долбанные
писклявые голоса, он сам снимет скотч и спросит. До этого
момента не мычать, не стонать и не издавать ни звука. Хен
Файн любит тишину.

Я знала, зачем они это делают – исключить возможность
сговора игроков. Им нужны не ячейки, а одиночки. В под-
тверждение моих мыслей конвоир сказал:

– Каждый сам за себя и все за Свободную Республику. Это
девиз острова. Выучите его наизусть, или его вырежут вам на
теле тупым лезвием. А теперь смотрите, чтоб вас не стошни-

ло, а то нажретесь своей же блевотины или захлебнетесь ею – мы идем на аварийную посадку.

Я втянула побольше воздуха и закрыла глаза, когда шатл на бешеной скорости пошел на снижение. Внутри возникло чувство, что мне раздирает легкие и плавятся мозги. Десять секунд настоящей физической пытки, и, когда шатл твердо стал на землю, я поняла, что нас станет на одного меньше – наркоман дергался в конвульсиях, закатывая глаза. Я думала, что его будут реанимировать, но черта с два – конвоиры прошли мимо парня, не обращая никакого внимания на его застывающий взгляд и омерзительные рвотные массы, вытекающие из носа. Он затих как раз перед тем, как я прошла мимо него. Еще жив... Они могли бы его спасти, но никто не станет, наглядно показывая нам, более сильным, чего стоит наша жизнь здесь, и какую ценность мы представляем для правительства. Мне не было его жаль. Ему повезло. Могло быть намного хуже и намного страшнее.

Спрыгнув со ступеньки шатла, осмотрелась по сторонам – и почему я думала, что на острове никогда не было цивилизации? О, она несомненно тут была, но очень много лет назад. Настолько много, что, наверное, прошло больше века. Буйная растительность выросла в полуразрушенные здания, в развалившиеся кузова автомобилей, пробивалась сквозь клочки асфальта. Хаос природы, разворотивший все, что построила рука человека. В голове вспыхнуло множество вопросов, но я знала, что ответы на них получу нескоро, а мо-

жет быть и не получу вовсе. Холодно. Очень холодно. Ветер пробирает до костей через одежду, которую нам выдали сразу после суда. Одинаковые штаны и черные майки с эмблемой белого многоугольника в круге.

Все мои представления о построении власти на острове оказались ошибочными. Точнее, Советник солгал мне. Не было никаких законов или правил. А вернее, их устанавливал Первый командор и этот ублюдок, который приехал за нами – Хен Фрай. Мужчина невысокого роста с сединой в темных, коротких волосах, с белесыми светло-голубыми глазами и с чудовищным шрамом через все лицо. Он окинул нас равнодушным взглядом. Всего лишь одну секунду задерживаясь на каждом из игроков

– Их разве не должно было быть шесть?

– Один сдох при приземлении.

– Отлично. Естественный отбор самый верный и правильный. Что с грузом?

– Можно выгружать (отгрузка – это когда продавец отгружает покупателю. А здесь выгрузка / выгружать. К тому же рядом два однокоренных слова). Все в наличии по списку, капитан.

– Давайте и вы свободны. Можете возвращаться на материк, офицер.

Повернулся к нам, и я напряглась, когда увидела, как усмеваются и перешептываются его солдаты, бросая на нас

похотливые взгляды.

– Значит так. Здесь для вас нет никаких правил, кроме тех, что установил я. Забудьте о законах на материке – на острове свои правила. Никто не собирается вас в них посвящать. Вы слишком незначительное дерьмо для такой чести.

Вы – отбросы. Если вам сказали, что вы игроки – это ложь. Вы – никто, пока я не решу иначе. Что означает «вы никто»? Это означает, что до инициации я могу вас пристрелить, расчленить, разодрать на части, продать, подарить, и мне за это ничего не будет. Вы все принадлежите острову, а значит, мне и командору. Я ваш хозяин в полном смысле этого слова, и я решаю, кто из вас будет жить и как, с кем, в качестве кого, если командор, которому совершенно нет дела до ваших задниц, не решит иначе. Если вы надеетесь на зрителей – вы жестоко ошибаетесь, они о вас ничего не знают. Ставки не сделаны, и цена вам – ноль. Вас нет. Вы все казнены по решению суда, и приговор приведен в исполнение. Все остальное зависит от меня, моего настроения, желаний и распоряжений.

Мои приказы не оспариваются и не обсуждаются. Разговаривать запрещено, пока я не разрешил. Только кивать. Согласно кивать. Я сам решаю, для чего предназначены ваши рты. Если скажу, что для дерьма – вы будете его жрать. Всем ясно? Не понял?

Мы кивнули, и я бросила быстрый взгляд на грузовик с кузовом-клеткой. Значит, карантин отсюда весьма далеко, и

нас туда повезут. Хорошо это или плохо – одному дьяволу известно. Нам сняли скотч со рта.

– Ты! Да, ты, сука белобрысая, забыла, как кивать?

Хен сделал к ней шаг...

– Слышишь меня, или ты глухая?

Лиса упрямо молчала, а я стиснула челюсти. Вот же дура. Зачем нарывается?

Хен схватил ее за волосы и дернул к себе.

– Бабы здесь вообще никто. Без права слова и без права действия. Вы здесь для того, чтобы удовлетворять наши прихоти. Поняла? Кивай, тварь.

– Да пошел ты! Я не баба – я солдат! Игрок!

Я вздрогнула, когда она его послала. Что ж ты творишь, идиотка? Ты что, не уяснила ничего? Я поняла еще после смерти наркомана. Им плевать, если мы сдохнем. Мы все смертники.

– Парни, покажите этой шлюхе, зачем она здесь и каково ее предназначение. По-быстрому. У вас десять минут. Выполнять! Включить трансляцию. Пусть все видят, что бывает за пререкания со мной!

Когда они подошли к Лисе, она боднула одного из них в живот головой. Яростно сопротивлялась, но ее все же поставили на четвереньки, содрали штаны до колен.

Капитан Фрай бросил взгляд на меня, остановился напротив, осматривая с ног до головы. Солдаты не стеснялись. Они насиловали и били Лису прямо при нас.

– Открой рот, тварь. Ах ты ж сука.

Послышался звук удара и хруст.

– Некоторым надо сразу выбивать зубы.

– Раздвинь ноги, соска. А она узкая. Не раздолбанная. Люблю новеньких. Они такие вкусные.

– М-м-мм, – вторил ему второй. – Солдат, блядь. Солдатская подстилка – вот ты кто. Рот пошире, сука. Хочешь быть игроком? Поиграем. В карму и в рейтинг плюс один за хороший отсос.

Остальные расхохотались. Я видела боковым зрением, как двигаются белые ягодицы одного из насильников. Скоты. Могли бы и не при всех. Твари конченые.

Она не кричала и даже не стонала. Не издала ни звука.

«Только не сломайся сейчас. Еще не время. Ты мне еще нужна».

Когда все закончилось, на нее натянули штаны, перебрасываясь грязными комментариями, шлепая по щекам, хватая за грудь и дергая за волосы. Затем толкнули обратно в шеренгу. Я продолжала смотреть Хену в глаза. Главный, значит. Любит подчинение, унижение и не брезгует ничем. Когда-нибудь это будет стоить ему головы. Свои же и загрызут.

Он так же пристально смотрел на меня, и я с дрожью омерзения поняла, что он одноглазый. Уродливый шрам как раз проходил по правому глазу. Зрачок на нем не двигался, тогда как левый слегка расширился в каком-то лихорадочном возбуждении. Похоть. Её видно за версту. Она просачивает-

ся в каждую пору, вызывая во мне мурашки брезгливости.

Он повернулся к одному из парней.

– Эту не трогать и пальцем до моего распоряжения. Всех в машину.

Я выдохнула и посмотрела на Лису – на лице застыло выражение яростной ненависти. Глаз слегка заплыл от удара, и под носом запеклась кровь, губы опухли от побоев. Она посмотрела на меня исподлобья. Вспомнила, наверное, что я говорила ей в шатле. Только я так и не поняла, зачем она перечила Хену, зачем нарвалась. Я вообще теперь мало что понимала.

Мы ехали в клетке по ухабистым дорогам острова, петляя через джунгли, в которых встречались обломки вывесок, телефонных будок, разрушенные автобусные остановки. Сломанные телеграфные столбы торчали рядом с деревьями, увитые плющом с острыми шипами. И мне казалось, у меня дежавю – этот остров был настолько похож на тот другой, где я выросла... Тот, откуда меня забрал отец. Лиса сидела тихо, казалось, что она спит... но я видела, как из-под закрытых век скатились слезы. Отвернулась – ей не нужна моя жалость. Она прекрасно понимала, чем грозит неповиновение, и все же пошла на это.

Начался дождь, и небо рассекали молнии. Как ослепительные рваные шрамы, они вспыхивали на черном небе неоновыми вспышками. Срывались первые капли, пока он вдруг не полил, как из ведра. Ледяной, мерзкий, колючий.

– Сворачивайте, – послышался голос Хена Фрайя. – Держитесь южнее, мать вашу.

– Дорога завалена. Можно попробовать через лес.

– Бред. Мы ехали по ней. Не останавливайся. Объезжай сбоку. Это может быть засада.

– Не проедем. Надо лесом. Какая засада, капитан? Молния скорей всего. Не усложняй, Хен. Птички притихли, мы им нехило перья пообщипывали в прошлый раз.

– Никогда не расслабляй булки. Неон просто так не отступится. Он отомстит.

– Тормозите! Мать вашу, здесь та же херня!

Я впилась взглядом в окружающий мрак. Грузовик остановился. Мгновения тишины с шумом падающих капель и раскатами грома.

– Выйди посмотри, что там. Уберите дерево. Без паники. В бурю часто ломает деревья.

Тишина бывает разной. С самыми разными оттенками. И я чувствовала, как воздух насыщается опасностью, тревогой. Завоняло потом и страхом. Напряжение начало потрескивать разрядами электричества. Всмотривалась в темноту..., все словно замерло в ожидании. Отворилась дверца кабины. Кто-то из солдат спрыгнул на асфальт. Тяжелые шаги с бряцаньем железной набойки на подошве.

– Это не молния. Дерево спилили... Уходим! Назад! Это...

Голос оборвался, послышался сдавленный крик, и я стис-

нула челюсти. Началось! Адреналин тут же взорвал нервы. Дернула скованными руками. Твари. Мы как в консервной банке.

– Заблокировать клетку! Держать оборону. Стрелять без предупреждения.

– На пол! – крикнула я, услышав свист пуль.

– Это Неон, – послышался хриплый голос Лисы.

Я медленно обернулась к белобрысой, она усмехалась разбитыми губами.

– Сейчас начнется месиво. Он пришел.

А потом тихо добавила.

– За мной.

ГЛАВА 6. Неон

У нее были синие глаза. Не голубые, не серые, а именно синие. Как у отца. И я возненавидел её еще до того, как Эльран привез это существо в наш дом. Она все изменила. Перевернула нашу жизнь с ног на голову. Я слышал, как мама плакала, видел, как переехала в другую половину дома. Никто не хотел, чтоб Гусеница приезжала и жила с нами. Никто, кроме отца. Его я тоже ненавидел.

Привёз свое отродье. Как будто так и надо. Как будто это в порядке вещей – навязать нам свои ошибки и грязные преступления. Да, я считал преступлением его измену матери. В детстве все кажется черным или белым. Нет полутонов.

Тогда я и сам не мог предположить, куда может затянуть страсть. В какое вонючее болото, на какое низкое дно... и это дно будет казаться самым прекрасным раем на земле. Вот оно – мое болото... мое личное проклятие с синими глазами. Самое отвратительное дно, куда может пасть человек. Порок в облике тогда еще семилетнего ребенка... Наверное, я сразу понял, куда нас всех заведет её приезд. Что это начало апокалипсиса меня как личности.

Я смотрел на невероятно красивую девчонку, которая крепко сжимала пальцы отца и пряталась за его ноги. Она казалась ненастоящей. Игрушечной. У нее все было какое-то маленькое. Маленькое личико, маленький рот, курносый нос, крошечные уши и тонкие кольца каштановых волос.

Все маленькое, кроме глаз. Они сияли на белом лице, как прямое доказательство того, что отец посмел изменить моей матери, а потом привезти эту нагулянную маленькую дрянь в наш дом и утвердить её в правах наравне со мной и с мамой. Я слышал их скандал в день его отъезда. Слышал, что мать ему говорила и что он отвечал. Да, мне было всего десять, но я многое понимал. Дети всегда понимают то, что взрослые считают слишком сложным для их ума.

– Дочь своей шлюхи? В мой дом? К нашему сыну? Да как ты смел вообще рассказать мне об этом?

– Так случилось, Лиона. Ты должна принять её. Она МОЯ дочь прежде всего!

– А я?! Обо мне ты подумал? Как я людям в глаза смотреть

буду? Как наш сын будет жить дальше? Как я могу вообще простить тебя? Убирайся! Видеть тебя не хочу! Я к ней не приближусь! Сам ею занимайся. Сам воспитывай!

– Хорошо, я сам. Все сам. Да пойми ты. Это давно. Это было ошибкой. Это было мимолетно и незначительно. Я забыл о ней, как только уехал!

– Для тебя незначительно! А меня ты этим убил! У преступлений нет срока давности, Эльран! Мы уедем с Маданом отсюда. Ноги моей здесь не будет, если ты её привезешь!

– Не уедете. Ты моя жена. Жена адмирала Райса. В этом году мне обещали повышение. И ты будешь соблюдать все приличия. И ты – ДА – ее примешь. Я так сказал, и разговор окончен. Иначе отсюда уедешь ты. Сама. Без Мадана. В свою сраную резервацию, из которой я привез тебя много лет назад. С коровами и овцами жить будешь. Забыла, где я тебя нашел?

– Как забыть? Ты напомнил!

– Вот и хорошо. Помни об этом всегда!

Я тогда решил, что превращу жизнь этой девчонки в ад, и она исчезнет. Сама сбежит, уйдет, испарится. Её не должно быть с нами. Это неправильно. Она – никто и останется для нас никем. Мы никогда не примем ее в нашу семью.

И я делал все, чтобы усложнить ей жизнь: пачкал школьные тетради, лепил жвачку в волосы, подбрасывал червяков и тараканов в ящик с вещами, унижал перед сверстниками, которые в первый же день принялись охать, какая красивая

у меня сестра. Я заставил всех называть ее Гусеницей и никогда не говорить при мне, что она красивая. Гусеницы отвратительны и красивыми не бывают.

И я упорно не называл её по имени. Самое интересное, сестра никогда на меня не жаловалась. Ни разу. И за это я ненавидел ее еще больше. Мы не любим тех, кто пробуждает в нас чувство вины. Мы ненавидим жертв, и мы же их боготворим, потому что так мы самоутверждаемся и показываем нашу власть над кем-то. Мне хотелось уколоть её побольнее, обидеть так, чтобы она рыдала, чтобы размазывала при всех слезы и выглядела жалкой слабачкой, а не красавицей Найсой с каштановыми локонами, как у фарфоровой куклы. Чтобы плакала, как плакала моя мать, когда узнала о ней. Но Гусеница не рыдала, а я смотрел в её синие глаза и видел в них нечто, что не поддавалось определению, то, чего там не должно было быть, и за это мне всегда хотелось её ударить. Сильно ударить. Потому что я считал, что там плещется ненависть, что она так же, как и я, хочет, чтобы меня не было.

И я бил. Нет, не физически. Я бил её морально. Настолько безжалостно, насколько может это делать ребенок и подросток, когда еще не умеет контролировать свою ярость и презрение. Я наказывал её за измену отца, за то, что он любил её нежнее и сильнее, чем меня. За то, что называл «моя маленькая куколка», за то, что могла взобраться к нему на колени или повиснуть на шее. Ей удалось даже со временем завое-

вать любовь моей матери. И этого я не мог простить. Увидел как-то их вместе, как Лиона заплетает ей волосы, разглаживает оборки на платье, целует в щеку, а меня током по нервам: «ЭТО МОЯ СЕМЬЯ! Моя мать! Мой отец! Что ты здесь делаешь, сучка облезлая?».

– Ты ведешь себя отвратительно, Мадан. Так нельзя. Найса твоя сестра, и она очень одинока. Я разочарована в тебе!

– Ты не мужчина, Мадан! Ты не можешь принять маленькую девочку и относиться к ней, как брат. Ты постоянно ее обижаешь! Что ты возомнил о себе?! Я разочарован в тебе!.

Разочарованы? А я как разочарован! Вы привели в дом чужого ребенка. Вы все вдруг ее полюбили. Пусть вы и помирились спустя время, и мать снова вернулась в спальню к отцу, но я не забыл. Я знал, откуда она взялась в нашем доме. Понимал, каким образом появилась на свет. И не только я. Все понимали вокруг и шептались за нашими спинами.

– Найса такая хорошенькая. Она, наверное, на свою маму похожа?

Куда деть мое разочарование, если отец возится с ней, как с писаной торбой, а мать считает полноценным членом нашей семьи?! Эту! С острова с мутантами! Дочь какой-то грязной потаскухи!

А еще я ненавидел её за то, что мог часами смотреть, как она возится сама во дворе со своими куклами, как сажает их на качели, как поет им песни. Как таскает всюду за собой страшного коричневого зайца.

Я прилипал к окну и наблюдал, как Гусеница поправляет длинные волосы, как ветер играет с красными лентами в них, как она смеется сама себе, морщит курносый нос, и на щеках появляются ямочки. Пирс, мой друг детства, сказал мне, что она очень красивая, а когда улыбается, у него дух захватывает. Оказывается, он приходил, чтобы поиграть с ней, когда я ездил с отцом на военный парад, а Гусеница заболела. Приходил К НЕЙ! Я его поколотил и выгнал из нашего дома. Мы неделю не разговаривали. Это моя Гусеница, и никто не имеет права приходить к ней, когда меня нет дома.

Мне она не улыбалась никогда. Смотрела в глаза. Долго и пристально. Так что я сам себе становился противен, и мне хотелось, чтобы она исчезла. Тогда я залепил ей в волосы жвачку, и мама остригла ее локоны по плечи. Она так и не сказала, что это сделал я. Стояла и смотрела в зеркало, как щелкают над её волосами ножницы. В школе я сообщил, что Гусеница такая грязная и нечистоплотная, что подцепила вши, и с нее смеялись больше месяца, тыкали пальцами, обходили десятой дорогой, и Пирс в том числе.

Я все ждал, когда она заплачет, а она упорно не редела. Даже когда я подарил ей на День Рождения коробку с дохлой крысой, она пошла и похоронила её во дворе. Просто похоронила. Не верещала, не орала, как положено девчонкам. Что ж она за тварь непонятная? Когда наконец-то уйдет от нас?

Каждый день, когда нас забирали обоих из школы, мы проезжали возле невысокого мыса с пещерой. Во время дождей его окружал ров с водой, и иначе, как на вертолете, туда было не добраться. На самом верху виднелось дерево. Осенью оно цвело синими цветами. И Гусеница как-то спросила.

– Пап, а что это за дерево там наверху?

Меня всегда передергивало, когда она называла его «папа», а от «папочка» вообще сводило скулы.

– Это Раон, Найса. Оно единственное на материке. Дерево с синими цветами в виде сердца. Моя мама рассказывала мне легенду в детстве, что если сорвать цветок Раона и засушить, то тот, кому ты подаришь эти цветы, будет всегда носить с собой твое сердце и полюбит тебя в ответ. А в пещере все страждущие обретают покой.

– Почему никто не срывает эти цветы и не ходит в пещеру?

– Потому что очень опасно взбираться на мыс. Все дороги к нему перекрыты из-за обвалов и оползней.

– Я хотела бы залезть туда однажды и жить в этой пещере, а по утрам взбираться на дерево и вдыхать аромат раона. Я бы засушила эти цветы и подарила тебе, папа.

– Но ведь я и так люблю тебя, маленькая.

– Я хочу подарить тебе мое сердце.

– Летом я отведу тебя туда, и ты обязательно его мне подаришь.

– Правда? – ее глаза широко распахнулись, а я нахмурился, глядя на эту приторно-сладкую идиллию.

– Да. Обещаю.

– Ты даже можешь там остаться навсегда, – добавил я и усмехнулся, а потом встретился взглядом с отцом и опустил глаза. Иногда я не понимал, что меня бесит больше то, что он её любит, или то, что она любит его, а меня нет.

Казалось, эта маленькая, мерзкая Гусеница специально не поддается на провокации, чтобы всегда наказывали только меня. Чтобы отец видел, какой я засранец, и хвалил только её, чтобы увозил свою дочь в город, а меня оставлял дома.

Не знаю, когда все начало меняться. Я сейчас и не вспомню... мне кажется, это случилось как-то неожиданно. Совершенно неожиданно для нас обоих. В школе её ударил один из моих приятелей. На лице синяк остался. Огромный синяк на треугольном кукольном личике. Она всю дорогу его прятала от отца, прикрывая волосами. А я смотрел и чувствовал, как пальцы в кулаки сжимаются. Кто посмел? Это МОЯ Гусеница!

Я поймал её в коридоре, после ужина, на который она не пришла, и заставил сказать, кто это сделал. Она сказала не сразу, только когда я пригрозил спалить её мерзкого зайца. Это сделал Дари. Мой друг... впрочем, он перестал им быть именно с этой минуты.

Дари я тогда выманил на пустырь за школой, выбил ему зуб и сломал все пальцы на правой руке.

– Ты совсем свихнулся, Мад! Ты же ее ненавидишь! Она Гусеница! Гу-се-ни-ца! И она мне огрызалась!

– Она МОЯ Гусеница, и никто не будет ее бить и обижать! Никто, кроме меня, понял, урод?! – с наслаждением услышал, как громко хрустнули его пальцы под моими ногами.

– Ты просто в нее влюбился. В свою сестру. Все в вашей семейке извращенцы и прелюбодеи! Я видел в твоём рюкзаке её фотку. – А теперь треснул и сломался его передний зуб о костяшки моих пальцев.

Меня выгнали из школы на неделю. Но отец, как ни странно, не наказал. Он даже слова мне не сказал и не спросил, из-за чего произошла драка. Я только слышал, как он говорил матери, если я кого-то ударил, значит, было за что.

«Мадан просто так не полезет в драку». Ха! Черта с два. Сколько раз я потом буду из-за нее лезть в драки, ломать носы и руки только за то, что на нее не так посмотрели. Потом я буду за нее убивать... Но этого тогда еще не знал никто.

С каждым днем внутри меня нарастал какой-то ураган. Комок вселенской ненависти ко всем. А к сестре особенно. Не замечает меня. Радуетя жизни. Живет в свое удовольствие. Прихорашивается у зеркала и играет в куклы.

И я продолжал над ней издеваться все изощренней и изощренней. Я даже не задумывался, почему она всегда одна... почему у нее нет друзей, как у меня. Я считал, что это она слишком высокомерна, чтобы с кем-то дружить.

***

– Хочешь поиграть с нами, Гусеница?

В тот день я сам пришел к ней в комнату и даже посту-

чал в дверь. Помню ее удивленный взгляд и приоткрывшийся пухлый рот.

– Что уставилась? Хочешь или нет? Два раза предлагать не буду!

– Да. Очень хочу, Мадан.

Вздрогнул от того, как она назвала меня по имени. У нее это получалось как-то особенно, с каким-то акцентом на первый слог. И я никогда не понимал – меня это бесит или мне нравится.

– Отлично. Мы ставим спектакль и дадим тебе главную роль. Надень то платье, что отец привез тебе вчера.

Гусеница спустилась со мной во двор, в красивом розовом платье с кружевами и оборками. Красивое платье. Очень красивое. И она в нем красивая. На бабочку похожа. Отец привез его из города в белой коробке, повязанной бантами, и подарил ей. Оказывается, Гусеница увидела платье в журнале и мечтала о нем уже давно. А он любил исполнять ее желания и мечты. Я же хотел разрушить все, что доставляло ей радость.

Нам с друзьями стало скучно, и я пообещал, что развлеку всех, когда приведу сестру. Пирсу эта идея не понравилась, а мне было наплевать, что он об этом думает. Если не хочет участвовать, он может валить домой и больше никогда к нам не приходить. Он мой друг, а не этой...

– Роль?

– Ну да. Будешь актрисой.

– Актрисой?

– Ты всегда все переспрашиваешь? Для начала мы должны утвердить тебя в роли. Пошли, я помогу тебе перевоплотиться.

Мальчишки и девчонки с трудом сдерживали смех, а она смотрела на меня своими огромными глазами и согласно кивала. Я увел ее на задний двор и толкнул в конский навоз. После дождя он размяк в вонючую грязную жижу и теперь стекал с нее ручейками. Она вся была в нем. С ног до головы. Даже ее локоны и ленты в волосах. Некрасивая. Грязная. Мерзкая. Мы стояли над ней, валяющейся в навозе, и заливались смехом:

– Это будет очень сложная роль. Ты будешь играть кучку дерьма. Мы будем проходить мимо и, закрыв носы, говорить «фу-у-у».

Она не заплакала, как ждали все мы, а особенно я. Просто ушла в дом, а уже через несколько минут мать позвала меня. Мне тогда ужасно влетело. Лиона прекрасно знала своего сына. Знала, что я виноват. Меня закрыли в дальней комнате на подвальном этаже, оставили без обеда и ужина. Отец отказался со мной разговаривать и запретил видеться с друзьями на все время каникул.

Они с матерью тогда уехали на важный прием, а нас оставили с няньками и слугами. Я же должен был думать о своем поведении до утра. Ни о чем я не думал... кроме как о Гусенице, из-за которой опять наказан, из-за которой отец меня

ненавидит, а мать все чаще и чаще разочарованно отводит взгляд. Почему я должен ее любить? Какого черта должен принимать и делиться с ней тем, что принадлежит мне?

Я задремал на узком диване, как вдруг услышал, как кто-то стучит в окно. Поднял голову и увидел Гусеницу с тарелкой в руках и зайцем под мышкой. Кажется, я даже застонал от досады.

– Открой, Мадан. Я тебе кекс принесла.

Да неужели? Принесла мне? Она издевается? Я подошел к окну и открыл его, глядя на девчонку, стоящую на коленях с тарелкой в руках.

– Дика дала мне, а я тебе половину принесла. С клубничкой.

Я забрал тарелку, несколько секунд смотрел на аппетитный кекс и боролся с урчанием в голодном желудке, а потом поставил его на подоконник.

– Зачем ты его принесла, м? Чтоб все думали, какая ты хорошая? Добрая?

– Нет. Потому что ты остался голодный из-за меня.

– Из-за тебя? – я рассмеялся. – Ну да. Ты ж сама в навоз прыгнула. Зачем ты это делаешь, Гусеница?

Наверное, тогда я и сам не знал ответ на этот вопрос... и она не знала, потому что нахмурила тонкие брови и несколько секунд думала, а потом ответила:

– Ты мой брат, и я люблю тебя.

– Любишь? – я продолжал смеяться, а внутри что-то мерз-

ко засадило, заскребло где-то в районе сердца. – Сильно любишь?

Она кивнула.

– А зайца мне своего дашь поиграть?

Она перевела взгляд на игрушку, потом на меня и протянула мне длинноухое, потертое и затасканное существо.

– Ты дура, да, Гусеница? Ты правда думаешь, что мне нужны от тебя все эти кексы, терпение, подхалимаж? Да мне просто нужно, чтоб ты исчезла. Растворилась. Сдохла! Понимаешь? Вот что мне нужно.

Я выдернул из ее рук зайца и оторвал ему ухо.

– Не надо! – тихо сказала она. – Это мне отец прислал!

– Отец?! Да это гуманитарная помощь вам, оборванцам с острова, вечно побирающимся и живущим на наши деньги. Их сотни таких отправили на остров. Об этом в каждой газете писали.

Я оторвал зайцу голову и отшвырнул в сторону, с наслаждением глядя, как глаза Гусеницы наполняются слезами. Первые слезы за два года. От них ее глаза стали темно-синими, как ночное небо, с которого срывались первые капли дождя. Красивые глаза. Безумно красивые. Я отражался в них чудовищной карикатурой и был омерзителен сам себе.

– Он забыл, что ты вообще существуешь, – оторвал одну лапу, затем другую, – знать тебя не знал, пока мать твоя не сдохла, и ему не пришлось везти тебя к нам, – разодрал зайцу брюхо и раскидал по комнате наполнитель, – он даже не

помнил, как тебя зовут! Убирайся из нашего дома! Исчезни! Никто даже не станет тебя искать! Потому что нет тебя и не было никогда!

По ее щекам потекли слезы, она попятилась назад, споткнулась, упала на сухую траву, поднялась и побежала в сторону забора.

– Беги, Гусеница! Беги! Быстрее беги!

Я пнул расчлененного зайца ногой и смахнул тарелку с кексом с подоконника. На улице разыгрался ураган. Ветер выл и гудел в проводах, хлопал ставнями, а я сидел на полу и смотрел на оторванные лапы игрушки, а перед глазами заплаканное лицо Гусеницы. Это удивление в глазах, как будто я живьем сжег её. Как будто она не ожидала, что я так поступлю...

«Ты мой брат и я люблю тебя».

Да я и сам не ожидал. И как слезы увидел, внутри все сжалось и уже не разжималось. Больно сжалось, нестерпимо. Я даже вздохнуть не мог. Это, оказывается, невыносимо – бить того, кто тебя доверяет... она мне доверяла. Только почему – я не мог понять. Я же не заслужил. Я же ее обижал... я...

И вдруг мне стало все ясно. Настолько прозрачно и понятно, что у меня мурашки пошли по коже – Найса считала, что ОНА заслужила. Это она все время чувствовала себя виноватой, лишней, ненужной. Вот почему всегда молчала и терпела. Я быстро собрал куски зайца с пола и сунул в пакет. У отца на базе должны были остаться такие. Я видел

в газетах контейнеры, которые вернулись обратно... потому что помощь уже было некому раздавать.

Сам не знаю, как вылез из окна и в дом зашел... по ступеням к ней в комнату поднялся. Дверь толкнул... только Гусеницы в спальне не оказалось. Вместо нее под одеялом валик из полотенец. Не оказалось её нигде в доме. И мне стало страшно. Впервые по-настоящему страшно.

Я сразу понял, что она ушла. Не знаю как. Оказывается, я всегда остро чувствовал её присутствие в доме. С самого первого дня, как она появилась. Она действительно здесь все изменила... и меня прежде всего.

Многие вещи открываются нам именно тогда, когда уже слишком поздно что-то исправлять.

Я побежал во двор и на конюшню. Нет ее нигде. Как сквозь землю провалилась. Осматривался по сторонам и в блике молнии увидел красную ленточку на голом кустарнике у ограды и мыс, который осветило так ярко, что у меня мурашки пошли по коже.

– Нет! Гусеница, нет! Сумасшедшая идиотка!

Не помню, как я взбирался на этот проклятый мыс, как спотыкался и падал. Орал, перекрикивая ветер, и звал ее. Мне было страшно, что грязь с мыса обвалится и похоронит Гусеницу заживо. А она ведь такая маленькая. Сколько ей надо, чтоб задохнуться? Мне мерещились её руки, выглядывающие из-под земли, и слышался ее голос. Мне чудилось, что она плачет.

«Ты мой брат, и я люблю тебя».

Заметил красное платье, оно бросилось в глаза, как кровавое пятно в очередной вспышке молнии. Она повисла над самым рвом, вцепилась в кустарники и висела над пропастью.

– Найса-а-а!!!!

Я тащил её наверх изо всех сил, а ветер вырывал ее из моих рук, и я дико боялся разжать пальцы и уронить... бабочку. Такую хрупкую нежную бабочку.

Когда вытащил, она заплакала навзрыд, обнимая меня за шею. Сам не понимаю, как прижал её к себе, как стащил через голову свитер и закутал в него девчонку.

– Дура, Гусеница, какая же ты дура! Пошли отсюда. Быстрее, а то дождь польет, и мы не выберемся.

– Не могу-у-у, – простонала она, – я ногу подвернула.

И в ту же секунду хлынул ливень. Ледяной, колючий, вместе с градом. Я с ужасом посмотрел вниз, на то, как ров стремительно наполняется водой. Поднял сестру и на спине потащил к пещере. Внутри было сыро и так же холодно, как и снаружи. Пещера оказалась катастрофически маленькой и заваленной сухими листьями.

– Уходи, Мадан. Позови на помощь. Ты еще можешь успеть вернуться.

А мне было страшно уйти и оставить ее здесь одну. Такую крошечную в моем свитере, утопающую в листьях и дрожащую от холода. Не знаю, что там говорилось в этой легенде, но именно тут, прижимая её к себе, я вдруг понял, что боль-

ше никогда не смогу ее ненавидеть и что я не хочу, чтоб она исчезла. Она моя Гусеница, и я ее никому не отдам.

– Мне холодно, – плакала Найса, а я, стиснув зубы, растирал ей плечи, разговаривал с ней. Только пусть не спит. Отец говорил, что если очень холодно, нельзя спать.

– Я наврал про зайца, Най... это отец его для тебя выбрал и отправил тебе. Я все наврал. И что хочу, чтоб ты исчезла, тоже... наврал.

– Правда?

– Правда. Ты только не плачь, Бабочка. Нас обязательно утром найдут. Отец догадается, где мы.

Она смотрела на меня огромными глазищами и кивала, губы кривились от слез, и мне казалось, что меня продолжает жечь раскаленным железом от каждой мокрой дорожки на ее щеках. Так будет всегда. Я не смогу видеть ее слезы.

– Смотри, что я нашла.

Она вдруг схватила меня за руку и вложила что-то в ладонь. Я посмотрел потом, когда она все же уснула у меня на груди, а я думал о том, что нас здесь все же могут не найти, что мы замерзнем насмерть в этой проклятой пещере. И все из-за меня. Это я виноват, что она сбежала. Я ее мучил и издевался над ней все это время... а она... она меня любила и прощала.

Когда разжал пальцы, увидел на ладони потрепанный цветок в виде сердца. Темно-синий, как её глаза.

Нас действительно нашли на рассвете. Разбудили грохо-

том лопастей вертолета и лучами фонарей.

– Вижу! Они в пещере, Эльран! Будем снижаться!

После того как мы вернулись, я больше никогда не называл ее Гусеницей. Только Бабочкой. Моей Бабочкой.

***

– Неон!

Резко поднял голову, пряча засохшие лепестки раона в ладони.

– На остров новеньких привезли. Шатл приземлился недалеко от стены.

– Да ну на хрен!

– Я серьезно. Хен врубил прямую трансляцию. Инициацию, сука, проводит. Они продовольствие привезли и пятерых желторотых. Одну трахают прямо у шатла. Воспитывает, мразь.

Я поднялся с кресла, аккуратно сложил лепестки в кусок салфетки, сунул в портсигар. Новеньких не привозили уже больше полугода. Игра давно вышла из-под контроля Корпорации. Им не было смысла тянуть сюда свежее мясо. Хотя у императора свои интересы. Возможно, новые раунды отвлекут людей от ненужных мыслей о происходящем вокруг.

– Ну пошли, посмотрим.

Несколько камер выхватывали в сумерках то лица новеньких, то по животному совокупляющихся солдат. К картинам

насилия я привык. Они меня не смущали, но и интереса не вызывали. Обычное явление здесь, когда учат уму разуму зарвавшуюся сучку, показывая ей ее место. У женщин тут свое предназначение... даже у тех, которые ушли вместе с нами.

Когда камера снова проехала по лицам, мне показалось, я сейчас заору на весь бункер. Вцепился в спинку стула, подаваясь вперед.

– Останови картинку! Останови, мать твою!

– Ты чего орешь! Порнуху давно не видел? Или белобрысая понравилась?

– Да какая порнуха. Я не люблю блондинок. На остальных останови. Прокрути. Медленно.

Твою ж мать! Я не мог ошибиться... грудную клетку разорвало от бешеного биения сердца еще раньше, чем я осознал, что это действительно она... Там, недалеко от северной стены, на проклятом гребаном острове та, кого никогда не должно было здесь быть... Я все для этого сделал. Все для того, чтобы купить ей новую жизнь и новое имя! Что же ты натворила, Най? Они же тебя... Сука! Маленькая, тупая сука! Куда ты влезла?! И нет времени думать! Нет ни секунды!

– Будем брать грузовик! – процедил я, сжимая до хруста кулаки.

– С ума сошел?! Они вооружены до зубов, а у нас ножи и две винтовки.

– Вот как раз и пришло время пополнить арсенал!

– Да они нас всех...

– Я сказал, мы берем грузовик. Сейчас. Двое за мной – остальные остаются на месте.

– Ты рехнулся, Неон! Ты совсем чокнулся! У них преимущество. Тачка, оружие и люди! Тебе мало прошлого раза, когда мы своих потеряли? Они нас как котят! Кого ты там увидел? Телок? Пусть забирают.

Я посмотрел на Рика и отчеканил:

– Это наш шанс отбить оружие и продовольствие. Какие, нахрен, телки?

– Лжешь. Мне ты можешь не лгать. Я слишком давно тебя знаю!

– Какая сейчас разница, Рик? Ты со мной? Оторвем Хену яйца?

Усмехнулся мне и подбросил нож, поймав за лезвие.

– С тобой, мать твою, больной ублюдок! Давно не жрал деликатесы с материка.

ГЛАВА 7. Мадан

Не знаю, когда у меня от нее сорвало все планки. Может, кто-то помнит точно этот момент собственного превращения из обычного человека в повернутого на ком-то психа, а я не помнил. Иногда мне кажется, я всегда был помешан на этой маленькой ведьме с синими глазами. Я просто достаточно долго отрицал свои чувства к ней и искренне надеялся, что они братские, искренние и платонические. Да я молился

и богу, и черту, чтобы все вот это дерьмо оказалось обычной братской любовью, и прекрасно понимал, что ни хрена она не братская! И с каждым годом осознавал все больше. Часами мог смотреть на нее из окна или затаившись за дверью. В ней все было какое-то ослепительно идеальное. Красота яркая, броская, экзотическая. И чем старше она становилась, тем сильнее была моя одержимость ею. Я о ней грезил, я о ней фантазировал и видел грязные, пошлые сны. Просыпался с каменным стояком и сбивал руки о стены, а потом пытался не думать и не вспоминать о них. Будь оно все проклято. Это родство. Этот запрет. Вечный и ничем и никогда неисправимый.

Осознание пришло постепенно с приступами едкого неприятия, отрицания и ненависти к нам обоим. К ней – за то, что появилась в нашей семье, а к себе – за то, что я паршивый извращенец. Какое-то время держался от нее на расстоянии. Настолько на расстоянии, что мы могли почти не сталкиваться друг с другом в одном доме. Я трахал все, что попадало мне в руки женского пола, и старался выбросить из головы мысли о Бабочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.